Сергей Ключников. Когда ты садишься за письменный стол, ты обычно имеешь план, что напишешь или действуешь спонтанно? В психологии есть такое понятие — 10 000 часов, волшебное число, ведущее к мастерству. Чтобы расшифровать его, начну с цитаты. Невролог Даниель Левитин пишет:

«Из многочисленных исследований вырисовывается следующая картина: о какой бы области ни шла речь, для достижения уровня мастерства, соразмерного со статусом эксперта мирового класса, требуется 10 000 часов практики. Кого ни возьми – композиторов, баскетболистов, писателей, конькобежцев, пианистов, шахматистов, отпетых уголовников и так далее, – это число встречается с удивительной регулярностью. 10 000 часов – примерно три часа практики в день, или двадцать часов в неделю на протяжении десяти лет. Это, разумеется, не объясняет, почему одним людям занятия идут на пользу больше, чем другим. Но пока ещё никому не встретился случай, когда высочайший уровень мастерства достигался бы за меньшее время».

Что получается применительно к поэзии? Если ты не сидишь за письменным столом по три часа каждый день лет двадцать или по восемь часов каждый день несколько лет подряд, ты большого мастерства не обретёшь. Как ты знаешь, я занимаюсь китайским цигуном, и нам мастер говорит, что мастерство цигуна и любого вида боевого искусства — это

^{*} Продолжение, начало в № 4, 2017 г.

прежде всего количество повторений каждого упражнения, которое, если его сознательно повторять, постепенно переходит в качество. Из этой закономерности становится понятно, почему достигали большого мастерства русские поэты дореволюционной эпохи или крепкие советские профессионалы. Они были относительно состоятельны, имели возможность сидеть за столом, сколько нужно, не заботясь о том, что нужно будет завтра есть. Конечно, были исключения - Гаршин, Достоевский, но они побеждали нищету яростным усилием. В одном случае оно закончилось самоубийством, в другом – смертью в не самом пожилом возрасте. Сейчас литератор, тем более поэт – это человек бедный, а если он пытается прокормиться литературным трудом, то и нищий. Для выживания он должен где-то работать, а потом по вечерам, ночам и выходным торопливо навёрстывать потерянное время и пытаться создать шедевры.

Чтобы набрать желанные 10 000 часов, он должен работать по три часа каждый день после работы в течение двадцати лет. Но чтобы реализоваться в литературе, мало писать на высоком уровне, нужно ещё потратить время на пробивание написанного. Предположим, на это потребуется ещё час-два часа в день. Серьёзные журналы имеют маленькие тиражи, значит, нужно пробиться в массовые издания, которые резко снижают планку текстов. Но предположим, что поэт пробъётся в журналы и опубликуется там. Кто будет его читать, ведь у читателей резко снизился интерес к поэзии. Можно, конечно, бесплатно публиковаться в интернете, но это, пожалуй, и всё, что остаётся. Что же делать поэту тем более в эпоху всеобщего спада интереса к поэзии?

Юрий Ключников. В этом одном вопросе их целый ряд. Соответственно требуется несколько ответов. Начну с последнего.

1. Насчёт снижения интереса — это как сказать. Тиражи сборников поэзии, конечно, существенно уменьшились, но число изданных книг стихов возросло в разы. И пишущих стихи меньше не стало. Причём пишут люди самого разного калибра, скажем, такие, как Е.М. Примаков, и фигурантка судебного дела о краже в Оборонсервисе Васильева. В данном случае речь идёт о людях зрелых. В юном же возрасте стихи и теперь пишет едва ли не каждый второй.

Я полагаю, константа интереса к поэзии стабильна со времён Вьясы и Махабхараты. Другое дело — отношение власти к культуре вообще, к литературе и поэзии, в частности. В России, например, пик государственного внимания к поэзии приходится на годы Советской власти, упадка — на время после 90-х годов.

- 2. Что касается цитаты невролога Даниеля Левитина, то он в принципе прав чтобы стать мастером самого высокого класса, нужно тысячи часов творческой практики. Сколько тысяч не знаю. Но мне точно известно, что одним тренингом больших высот не добьёшься, здесь, как говорил Борис Пастернак, «кончается искусство и дышит почва и судьба». Не хочу пугать читателя объяснением Фёдора Тютчева, что большой поэт живёт на границе «двойного бытия», то есть рукой касается бумаги, а душой Инобытия. Кстати, даже для Тютчева стихотворение Пушкина «Пророк» показалось кощунственным поэт входит в контакт с самим Богом, тогда как по Тютчеву «мысль изречённая есть ложь». Продолжение нашего разговора на эту тему лишено смысла: поэтов уровня Тютчева, тем более Пушкина, сегодня в поэзии не вижу.
- 3. О фундаменте мастерства «крепких советских поэтовпрофессионалов» судить не могу, хотя с некоторыми из них был знаком (В. Солоухин, В.Сидоров, С. Золотцев). Также нахожусь в знакомстве и творческом взаимодействии с ныне

живущим Станиславом Куняевым, которого считаю не только «крепким профессионалом», но крупнейшей культурной величиной России второй половины XX века.

Сам я, как человек, сложился в советское время, как писатель, которого регулярно печатают, в эпоху «либерализма».

4. Что делать молодому поэту, чтобы наработать необходимые для успеха 10 000 часов, ответить не могу. Наверное, кроме напряжённой работы, согретой любовью к поэзии, других рецептов нет. Себя успешным не считаю, хотя меня называют «известным писателем», членом творческого союза и автором двух десятков изданных книг. Кроме того, такой профессии, как «поэт», в официальном реестре профессий России не значится, пребывание в Союзе писателей РФ и регулярная публикация книг в официальный трудовой стаж, как это было в СССР, не входит.

С.К. Хочу поговорить об одной твоей, несколько загадочной теме и для этого ещё раз вернусь к этим 10 000 часам, которые означают прежде всего упорную работу, которая должна повторяться каждый день. Видимо, мастерское повторение - это основа любого искусства. Ты сам об этом не один раз пишешь: «Повторы, повторы, повторы...» В другом стихотворении ты просишь читателя не судить тебя за повторы некоторых тем, поскольку ты хочешь этим укрепить в читателе надежду. В тоже время у тебя есть строки о неповторимости мгновений: «И всё, конечно, повторится, и ничего не повторить». В очерке о Есенине ты вспоминаешь о его стихотворении «Цветы», где он сам о себе говорит, как о «цветке неповторимом», но тут ты говоришь о «неповторимо-повторимом» Есенине. Вот если эту мысль рассмотреть на понятии творческого труда поэта, то что получается? Повторы – это труд, ежедневные усилия, а что не повторяется? Вдохновение, творчество, тайна, что?

Ю. К. Само слово «вдохновение» говорит о том, что Нечто высокое Кем-то вдыхается в нас. Я не хочу, не могу и не имею права после того, как наш поэтический апостол А.С. Пушкин в стихотворении «Пророк» приоткрыл тайну своего творчества, пускаться в объяснения на эту тему. Скажу лишь, что я человек верующий. Верю, что всё в мире этом находится под пристальным приглядом Мира Того. Иисус Христос называл тот Мир Отцом, о Себе — что послан на Землю Отцом, также «кто видел Меня, тот видел Отца». Большего откровения никто людям никогда не говорил. Для меня Иисус Христос, при всём моём преклонении перед Пушкиным, наивысший авторитет. Наполниться лучом Христа — высшая цель.

Что касается «повторов», то да, это основа творчестве. Всё в мире подчинено ритму повторов: четыре времени суток и года, четыре времени жизни человека. Я верю, как все древние и некоторые современные народы, что каждый человек живёт не одну жизнь, но повторяет множество их. Что память о прошлых и предвидение будущих воплощений от подавляющего большинства людей сокрыта. Не стану делать исключения для себя. Потому что психика человека не в состоянии выдержать подобное знание. Но в изменённых состояниях сознания, например, в снах, прорывы в прошлую и будущую жизнь возможны. Скоро такие прорывы будут возможны для многих людей.

Вообще, согласно пророкам и моим собственным ощущениям, мы не накануне новой мировой войны, нас ожидает прекрасная эпоха возрождения золотого века человечества. По заключениям учёных, наша Галактика совершила так называемый сидеральный оборот вокруг своего галактического Солнца... Такое случается один раз в 25 000 с лишним лет. На языке привычных сезонных изменений нас ожидает весна человечества. Зимняя пора Земли закончилась.

Ты просишь меня расшифровать понятие «повтор» в моих стихах. Но я поэт, не учёный, мыслю верой и образами. Вера и образы — это другой способ познания мира, который свойственен многим большим учёным. Например, Гераклит говорил: «Нельзя войти в один и тот же поток дважды», потому что вода в потоке будет иной. Также смены ночей и дней, времён года, циклов развития человечества при всей похожести имеют отличия. А главное, никогда не заканчиваются.

Ты спрашиваешь, на что настроиться? Я себя настраиваю на вечное движение жизни, на вечные повторы, а это настраивает меня на постоянный труд и неиссякаемый оптимизм.

Сегодня увлечён переводами китайской поэзии, тридцать пять лет назад написал стихотворение «Биенья», которым открывается новый сборник «Три тысячи лет «Поднебесной хризантемы»:

Заждались мы дождя,
По заморским пределам скитаясь,
Удостоил и нас, наконец,
Посещеньем своим.
Я шагаю на дачу
Под старым зонтом, как китаец.
Почему бы на время
Себя не почувствовать им?

Бьются капли по листьям В небесном своём упоенье, Иногда задевают И зонтик поганки-гриба. Я бы одой почтил Все дожди и биенья, Если б рёбра мои Слишком часто ни била судьба.

Впрочем, кто же ответит, Где меру она отсчитала? В голове моей бьются И строятся в строчки слова. Я пытаюсь понять.

Я пытаюсь почувствовать Дао.

А оно не даётся — Природа Его такова.

А вот этим, написанным в 2018 году, заканчивается «Поднебесная хризантема»:

Я путь прошёл длиной в три тысячи лет, Зонтом спасаясь от дождей незрячих. Надеялся найти далёкий след, Который Лао Цзы мне обозначил.

И понял первое — не скроешься от гроз Ни под зонтом, ни дома, ни скитаясь. Второе — делать, что сказал Христос, Когда ушёл таинственный Китаец.

Добру учили оба мудреца, Хватало на земле и злой учёбы. Меня учило время без конца, До сей поры не кончились зачёты.

И третье – каждый шаг свой к небесам, Пока живу, я должен выбрать сам.